

Клоун — высший пилотаж в актерской профессии

Евгения УЛЬЧЕНКО

Книжное обозрение.

Подписной индекс 50051

Он вошел в театр, который называется «Школа современной пьесы», со служебного входа, что-то мурлыча себе под нос. До начала спектакля «Все будет хорошо, как вы хотели», где он играет с Ириной Алферовой, оставалось чуть больше часа. Тот, кто не верит в существование вечного двигателя, кто не читал живой и динамичной книги «Грешные записки», — просто не знаком с Львом Дуровым.

— А что труднее актеру на сцене: вызвать слезы или смех?

— И то, и другое сложно, вопрос в сочетании. Не случайно две маски — трагическая и комическая — составляли эмблему древнегреческого театра. Вспомним трагедии Эсхила и комедии Аристофана. Люди приходят в театр, чтобы заплакать то, что они не плакали в своей жизни.

— После фильма «Не валяй дурака» многие зрители стали говорить о том, что в Дурове погиб великий клоун. А в Англии, на Эдинбургском фестивале, вас назвали «трагическим клоуном». Вы дорожите этим неофициальным званием?

— Очень. Клоун — высший пилотаж в актерской профессии. Я абсолютно уверен, что каждая роль, даже самая «смешная», несет в себе драматическое начало. Вспомним Чарли Чаплина — хрупкого, тонкого, оптимистичного трагика. Жизнь постоянно ставит ему подножки и дает затрещины. А он подтянет штаны, покрутит свои квадратные усики — и вперед. И зритель вытирает слезы, ему уже не до смеха. Не могу да и не хочу сравнивать себя с Чаплиным, но если меня назвали трагическим клоуном, надеюсь, что чего-то стою и я.

— Лев Константинович, сейчас многие актеры пишут книги. Что остается профессиональным литераторам, может быть, осваивать театральные подмостки?

— А что? Почему бы некоторым и не попробовать, да и есть уже такой опыт. Если говорить серьезно, то, действительно, сегодня пишут все. Даже те, кто совсем не умеет и забыл, что такое подлежащее и сказуемое. Знаете, как я отвечал друзьям, которые мучили меня одним и тем же вопросом: «Ты пишешь книгу? Ты пишешь книгу?».

Ребята, я же не писатель, я — актер, и мне нравится моя профессия. Что вам еще от меня надо?

— Следует сказать «спасибо» моим друзьям, потому что «Грешные записки» удалась. Так же, как и ваши роли, они вызывают и смех, и слезы. У меня есть знакомые, которые буквально влюбились в вас после того, как прочитали книгу.

— Что вы говорите? Как интересно. С этими мемуарами — беда, ведь нельзя объять необъятное. Слишком о многом и о многих хотелось мне написать. Отсюда и название книги: «Грешные записки». Ведь наверняка о ком-то не успел или не получилось рассказать, кому-то просто не угодил. А значит, остался грешным, виноватым. Но надеюсь, что они меня простят, потому что знают, как я их всех люблю.

— Если за обложкой «Записок» осталось многое, может быть, вы собираетесь написать еще одну книгу?

— Мне даже неловко перед издательством «Алгоритм». Дело в том, что я малодушно согласился на продолжение. Но пока перо по бумаге не бежит, я же на самом деле не писатель, а дилетант. Книга должна созреть, созреть, созреть, а потом — с легкостью выплеснуться. Поэтому я пока попросил у издательства тайм-аут, думаю, что они не обиделись.

— О чем будет ваша вторая книга?

— О театре. Я уже придумал, в каком жанре ее напишу. Это будет рецензия на себя и свои спектакли.

— Похвалите или разгромите?

— Как получится, но подпишу — Лев Дуров.

— Сейчас многие пишут, что мы живем в театре абсурда. Если бы вы были режиссером-постановщиком политического шоу под названием «Выборы», как бы вы его поставили?

— Я уже поневоле в это шоу попал. Подставила меня тут только что одна газета с очень коммерческим названием. Позвонили по телефону и спрашивают: «Верите ли вы, что Лужков ездит на тракторе и живет в бане?». «Конечно, нет», — говорю. Так они опубликовали примерно следующее: «Лев Дуров не верит, что Лужков ездит на тракторе, и считает, что мэр Москвы не должен жить в бане». Точный текст не помню. А другая влиятельная и популярная газета опубликовала письмо по поводу хамства на телевидении. И моя подпись там одна из первых. Кому

надо, быстро вычислили: ясно, кого Дуров защищает. Ну, конечно, он же Яго играл, он же Клауса играл, у него же есть практика. И что мне делать прикажете? Морду набить или на дуэль вызвать? Я вызывал уже одного журналиста, не стал он со мной драться ни на кирпичах, ни на пистолетах. Не буду я с ними связываться.

— Вы не испытываете ностальгии по временам молодости, когда не было рыночных отношений и «люди были проще»?

— Нет у меня ни ностальгии, ни тоски. Те времена были ложные, все было построено на страхе. Нас приучили к тому, что бедность — это патриотизм. И приучили те, кто не бедствовал. Внушили: шаг вправо, шаг влево — побег, конвой стреляет без предупреждения. Чем ты беднее, тем преданнее. Но любовь к Родине не определяется нищетой. А после распада СССР почти вся страна оказалась за гранью нищеты. И произошла поразительная метаморфоза. Страна нищих стала плодить миллионеров.

— Вы никогда не мечтали о богатстве?

— Мои желания гораздо скромнее: не думать о куске хлеба. Потому что это унизительно, недостойно человека. Любого, а творческого — тем более. Ну что это за актер, если в глазах у него горит не огонь вдохновения, а тоска и отчаяние?

— И в тусовках светских вы тоже как-то не замечены.

— Потому что не могу я светиться на экране с бокалом шампанского в руке и бутербродом с икрой, если люди кругом живут хуже, да что там — ужасно живут. Может быть, у них сегодня в доме одна картошка, денег на хлеб нет, а тут я — с кокосами и ананасами. Нет уж, совесть все-таки надо иметь.

— Как актер и режиссер вы заняты одновременно в нескольких постановках, снимаетесь в фильме. То есть очень востребованы, заполнили собой все ниши.

— Да что вы, много еще незаполненных ниш. Я бы с удовольствием в них расположился, но не хватает уже ни времени, ни сил. Хотя если предоставляется хорошая возможность, которая не связана с какой-нибудь гадостью, стараюсь этим воспользоваться. Кстати, в любимом моем Театре на Малой Бронной после «Страстей по Торчилову» давно ничего уже не ставил. Актеры ждут и топают — пора приступать.